

С.А. Хадашева, Ф.А. Царикаева
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова

РОЛЬ ОСЕТИНСКИХ РЕГИОНАЛИЗМОВ В ОЧЕРКЕ И. КАНУКОВА «В ОСЕТИНСКОМ АУЛЕ»

Включение тех или иных осетинских слов в художественный текст на русском языке служит воссозданию национального колорита, самобытности региона, отражая в той или иной степени национальную действительность. Среди многих структурно-семантических особенностей лексических единиц большой интерес представляют осетинские регионализмы. В статье на материале очерка И. Канукова «В осетинском ауле» проанализирован значительный пласт этой лексики. Основная цель работы – обоснование целесообразности включения осетинских слов и словосочетаний без перевода в русскоязычный текст очерка. Особое внимание сосредоточено на изучении семантики того или иного осетинского регионализма, наличии или отсутствии эквивалентов в русском языке; достижении писателем стилистического эффекта при передаче национального колорита жизни, быта, нравов осетинского народа, вызванного использованием в тексте регионализмов.

Регионализмы, региолект, художественный текст, русский язык, осетинский язык, лексика, национальный колорит.

Каждое подлинно художественное произведение, каким бы «простым» и «открытым» оно ни казалось, заключает в себе тайну глубинного смысла, воплощенного в сложной взаимосвязи всех элементов его содержательной формы. Все большее интерес у исследователей вызывает отражение этнокультурной специфики в лексическом фонде языка, что обусловило появление в лингвистической науке термина регионализм, под которым подразумевается «местное слово или выражение, бытующее на определенной территории, употребляемое носителями региолекта» [11, с. 299]. Начало данному термину было положено в середине XX века представителями французской диалектологии [22, с. 32]. В научном пространстве отечественного языкознания его впервые использовала М.А. Бородина [3, с. 34]. Впоследствии данный термин активно начинают употреблять ленинградский диалектолог В.И. Трубинский [21] и профессор Ленинградского госуниверситета А.С. Герд [6; 7].

Надо сказать, что к настоящему времени количество работ по изучению региолектов значительно возросло. В некоторых из них предпринимаются попытки выявить сущность региолекта, определить особенности его функционирования, место в системе национального языка, отношение к норме и др. [21, с. 157; 6, с. 23; 8, с. 14; 16, с. 119–136; 22, с. 32–36; 11, с. 300; 10].

Проследивая традицию употребления регионализмов, представляющих собой локальные заимствования, необходимо отметить, что одним из первых, кто начал заниматься данной проблемой, был и профессор И. Е. Гальченко. В своей книге «Лексика языков народов Северного Кавказа в русском языке», рассматривая лексическую систему русского языка, он выделил четырнадцать тематических групп слов [5, с. 35–36]. Изучение северокавказских регионализ-

мов автором осуществлялось средствами художественной литературы, так как именно в ней находит свое воплощение ментальная особенность людей.

Итак, в контексте нашего исследования можно утверждать, что, являясь выразителем колорита в художественном произведении, национальная лексика все шире и шире привлекается в тексты как необходимое стилистическое средство изображения предметов, явлений окружающего мира. Примечательно, что у истоков пользования национальной лексикой в русскоязычном художественном тексте, передающем колоритный образ территории Осетии, стоит творчество И. Канукова.

Литературное наследие И. Канукова находится в центре внимания многих филологов. Среди работ, посвященных его творческому пути, анализируется не только его мастерство как писателя, но и язык. Так, можно выделить работы Т.И. Валиевой [4], Е.Б. Дзапаровой [9], Р.З. Комаевой [12], М.Р. Куловой [13], З.Х. Тедтоевой [20], З.Н. Суменовой [19] и др.

Безусловно, указанные труды являются хорошим подспорьем для исследования поставленной нами проблемы, но не решением ее.

Из всего многообразия языкового богатства, используемого И. Кануковым в художественных текстах его русскоязычных произведений, особое внимание обращают на себя лексические компоненты, заимствованные из родного осетинского языка без перевода, так называемые «регионализмы». Причина такого обращения к регионализмам, на наш взгляд, вызвана тем, что при описании быта, нравов, традиций, национальных особенностей автор не обнаруживает семантического эквивалента в русском языке, а при подборе в чем-то близкого по значению русского слова, несомненно, утрачивается не только национальный колорит изображаемого, но нередко возникает иска-

жение смысла повествования. По справедливому замечанию Е.Б. Бесоловой, «обнаружение глубинного значения слова, термина, концепта предполагает определенное мастерство в использовании фразеологии, пословиц и поговорок и других жанров фольклора для решения проблем отражения культуры народа в его языке, в частности – лексике» [2, с. 63].

Проследим это на примере анализа текста «В осетинском ауле». В этом незначительном по объему произведении мы обнаружили свыше 150 слов и выражений-регионализмов, ко многим из которых И. Кануков приводит пояснения в тексте, что облегчает читателю восприятие описываемых в каждом конкретном случае явлений.

Обнаруженные нами регионализмы можно разделить на несколько тематических групп. Так, выделяются регионализмы, связанные с национальными традициями, религией, фольклором, национальными особенностями быта, национальной кухней, а также регионализмы, характеризующие положение человека в обществе, выражающие чувства, эмоции, фонетические регионализмы, эквивалентные русским словам.

Категория регионализмов, связанная с национальными традициями, наиболее многочисленная по составу группа осетинских слов в русскоязычном тексте, что объясняется во многих случаях отсутствием в русском языке эквивалентов, выражающих аналогичные с осетинским словом смысловые понятия: *кастардзинад, хъаргаенег, марддыгой*.

Вместе с тем, нередки случаи, когда осетинские и русские слова совпадают в своих значениях. Это такие слова, как: *куывд, хист, чындзахсæв, мардмае, аходын, бæркад, къухылхæцæг, уездандзинад, уырдыгыстæг, цырт, фидиуæг, хуын*. Здесь автор часто останавливает свой выбор на первом варианте, так как семантический национальный колорит регионализма, ярко проявляющийся в оттенках значений, отсутствует у русского лексического эквивалента. Это дает возможность писателю раскрыть национальную специфику той или иной характерной для осетин детали. Например, слово *куывд*, включенное в текст без перевода, имеет в русском языке эквивалент, на что указывает авторское комментирование, данное в скобках. Однако И. Кануков из двух семантических параллелей избрал осетинский вариант, так как в нем заключен значительно больший смысловый потенциал, наполняющий регионализм *куывд* целым рядом дополнительных семантических оттенков, позволяющих создать неповторимый национальный колорит, что было бы объективно невозможно при включении в контекст русского слова *пир*. Основанием для такого утверждения служит и толкование, приводимое В.И. Абаевым [1, с. 614]: «Молитва, обрядовое пиршество, обычно с жертвоприношением».

Это убеждает нас в том, что выбор осетинского *куывд* неслучаен. С его включением в русскоязычный текст автору удается образно раскрыть особенности национального быта: *куывд* – это не только и не столько обильное угощение, сколько обрядовый ритуал, сопровождающийся жертвоприношением. Совершенно очевидно, что русское *пир*, толкуемое в слове И.С. Ожегова как «большой званый обед», а также «обильное угощение» [17], лишено отмеченного

выше важного семантического оттенка, характерного для осетинского *куывд*.

Необходимость использования регионализма в русскоязычном тексте можно ярко проиллюстрировать и осетинским словом *хист*, которому, по мнению самого автора, соответствует русское – *поминки*. Выбор данного регионализма, несомненно, продиктован значительно большим смысловым потенциалом, чем русский его эквивалент. Несмотря на то что оба они раскрывают традиционный обряд, характерный как для осетинского, так и для русского народов, несмотря на их взаимозаменяемость, регионализм *хист* имеет более широкие семантические возможности, благодаря которым автор и отдает ему предпочтение. Собственно, это отличие мы видим и в словарных толкованиях данных лексических единиц. Так, если русское слово *поминки* – согласно словарю – это «угощение после похорон в память умершего» [17], то сема *хист*, помимо значения, соответствующего русской лексической единице, имеет дополнительный оттенок, подчеркивающий одну из национальных традиций осетинского народа, а именно «поминальное угощение, которое применяется не только к тризне в дни погребения, но и к последующим поминальным угощениям, которых в году бывало до десяти» [1, с. 203]. Это обстоятельство и определило выбор автором регионализма *хист*, образно раскрывающего национальное своеобразие обряда поминок, передающегося от поколения к поколению.

Свою стилистическую функцию – обозначение черт национальной культуры – выполняет регионализм *мардмае*, которому идентично русское слово *на похороны*. Анализ дефиниции этнолексемы *мард* свидетельствует о необходимости его включения в русскоязычный текст. Семантическая сложность слова *мардмае* основывается на многоплановости значения, раскрывающего специфическую особенность национального ритуала похорон. По своей структуре оно образовано от основы *мард* (покойник) и падежного окончания *мае*, которое дословно переводится как «к покойнику». Это лишний раз подчеркивает, что осетинский обряд сопровождается не только и не столько процессом захоронения, сколько является одним из звеньев традиционно-ритуальной религии осетин. У А.Х. Магометова читаем: «Обычай посещения покойника всеми – мужчинами и женщинами – до того строг и общеобязателен... что всякий, узнавший о смерти кого-нибудь, какую бы спешною работою он ни был занят, бросает свое дело и спешит выразить свое сочувствие и соболезнование горю родных погибшего, чтобы хоть этим отчасти уменьшить страдания последних». Покойника посещали и «малознакомые для данной семьи или просто приехавшие из-за уважения к родственникам или приятелям умершего лица» [15, с. 377].

В отличие от регионализма, семантика его русского эквивалента *на похороны* однопланова и толкуется словарем как «обряд закапывания умершего в землю или обряд кремации» [17].

Отражение местного колорита мы находим и в регионализме *чындзахсæв*, которому, казалось бы, эквивалентно русское *свадьба*. На первый взгляд, как будто никаких оттеночных значений между ними нет.

Однако при кажущемся полном соответствии русской лексеме, содержательная сторона регионализма, легко обнаруживаемая при его словообразовательном анализе, характеризующем данное слово как сложный элемент, состоящий из двух слов: *чындз* (невеста) и *æхсæв* (ночь), а потому буквально осетинское *чындзæхсæв* означает «невестина ночь». У А.Х. Магомедова читаем: «*Чындзæхсæв* есть первый прием, первое знакомство невестки с семейством, первое приглашение ее к принятию участия в семейных отношениях, в домашних нуждах и заботах» [15, с. 367].

Такое лексикографическое толкование не характерно русскому слову *свадьба*, которое, реализуя прямое свое значение «брачный обряд» [17], никаких дополнительных оттенков не имеет. Это позволяет говорить об оправданности включения регионализма *чындзæхсæв* в русскоязычный текст.

Среди встречающихся в очерке регионализмов укажем *къухылхæцæг*: «...удары сыпались на бедную голову *къухылхæцæг* 'а, несмотря на то, что он умолял своих палачей оставить его в покое!» Для перевода лексемы *къухылхæцæг* используется слово *шафер*, которое можно считать его эквивалентом. На первый взгляд, между регионализмом *къухылхæцæг* и русским *шафер* нет особых смысловых различий. Это легко обнаруживается при словообразовательном анализе, который характеризует регионализм как структурно сложный элемент, состоящий из двух слов: *къухыл* (руку) и *хæцæг* (державший), и буквально означает «державший за руку». Согласно осетинскому свадебному обычаю *къухылхæцæг* обязан длительное время охранять невесту, и, как отмечает В.И. Абаев в своем словарном толковании данного слова, – это не только лицо, сопровождающее невесту, но *къухылхæцæг* – это *шафер*, который «обнажает шапку и берет правую руку невесты» [1].

При сопоставлении приведенных примеров можно заметить, что русское слово не способно полностью передать соответствующее значение этнолексемы, что вполне оправдывает и объясняет включение последнего в русскоязычный текст. Кроме того, *шафер* толкуется словарем как «лицо, состоящее при женихе (невесте) и державшее у него (нее) над головой венец в церковном свадебном обряде» [17], выражает особенности традиций русского народа, не характерные осетинским традициям.

Таким образом, русское *шафер* и осетинское *къухылхæцæг* совпадают лишь в значении «лицо, состоящее при женихе (невесте)». Несомненно, включение в текст русского *шафер* было бы формально логично в русскоязычном тексте, но автору важно было максимально передать читателю своеобразие национального колорита описываемого ритуала, и он хорошо понимал, что слово *шафер* лишено многих семантических оттенков значения регионализма *къухылхæцæг*.

Очень развернутую и полную этнолингвистическую и этнокультурную информацию о функциональных обязанностях *къухылхæцæг* 'а нам дает А.Х. Магомедов: «Во время свадьбы шафер должен был быть душой общества и следить за тем, чтобы из гостей никто не остался без внимания. От распорядительности шафера зависел весь порядок на свадьбе, а подчас и настроение пирующих, почему шафером обычно

старались выбирать человека общительного и распорядительного. «*Къухылхæцæг*, считаясь названным братом невесты, в последующее время, в случае надобности, имел право защищать ее. В тяжелые моменты жизни он первым приходил ей на помощь, являлся он и первым ее советчиком» [15, с. 353].

Совершенно оправданно, на наш взгляд, включение в русскоязычный текст и регионализма *фидиуæг*, встречающегося в следующем контексте:

«Вот тебе на! – сказал я, проснувшись от этого громкогласного крика нашего *фидиуæг* а (крикуна): умер мой родственник».

Данный регионализм семантически эквивалентен русскому *глашатай*, но эта эквивалентность не абсолютная, о чем свидетельствует семантический анализ этих слов. Так, слово *глашатай* толкуется словарем как «лицо, объявляющее народу официальные известия», а регионализм *фидиуæг*, наряду с этим значением, обладает более широкими смысловыми возможностями. У В.И. Абаева, например, регионализм трактуется как «вестник, герольд», что по своей семантической насыщенности значительно богаче, чем русское *глашатай*, о чем свидетельствует сопоставительная характеристика данных толковых словарей:

«*Вестник*...1. Тот, кто приносит какие-нибудь вести (книжн.)...». Как видим, разница между смысловым содержанием *глашатай*, функциональной обязанностью которого является, как уже было отмечено, объявлять народу «официальные известия», очевидна. При этом данное слово подается словарем без

стилистической пометы, содержание же слова *вестник* значительно шире, так как не ограничивает функции «официальными известиями», а особо подчеркивает «...какие-нибудь вести», отмечая стилистическую принадлежность его к книжной лексике. О более широких семантических возможностях осетинского *фидиуæг* говорит и приведенное в толковании В. Абаева рядом с *вестником* слово *герольд*, по происхождению являющееся заимствованием из немецкого и, как толкует словарь [18], означает «..вестник, глашатай при дворах королей и крупных феодалов; распорядитель на торжествах и рыцарских турнирах; герольды ведали также составлением родословий и прочее».

Разница между значениями слов *фидиуæг* и *глашатай*, таким образом, определяется не их смысловым содержанием, а широтой или ограниченностью сфер их использования: в функции *глашатай*, например, входит объявлять народу какие-либо официальные известия, а *фидиуæг* – это лицо, возвещающее народу не только официальные, но и неофициальные новости.

Нужно заметить, что помимо приводимого выше контекста, в котором сам автор эквивалентом к *фидиуæг* 'у в скобках приводит слово *крикун*, использует данный вариант, но уже без скобок, в следующем контексте: «Оу – у – уй! Послушайте, люди! Ночью умер Карасе, оу – у – уй! – так кричал нынче чуть свет Маци, *крикун* нашего аула с вершины холма».

Слово *крикун* отмечено в словаре пометой «разг.», что говорит об ограниченности сферы его использования. Но, вместе с тем, благодаря этой стилистической окрашенности, автору удается создать

тот оригинальный фон повествования, который необходим для более точного и яркого выражения быта осетинского народа.

Обращает внимание включение регионализма и в следующем контексте: «Потом прикрыли его дубовыми досками, доски засыпали землей и поставили *цырт*».

Регионализм *цырт* здесь, несомненно, является ключевым компонентом, так как именно на нем автор концентрирует внимание читателя, понимая, что оно наиболее полно раскрывает традиционную специфику национального быта осетин. Это и объясняет авторское предпочтение данного слова его русскому эквиваленту *памятник*.

Несмотря на почти идентичные у них значения, регионализм, тем не менее, обладает целым рядом дополнительных семантических оттенков, необходимых автору для передачи читателю национального колорита описываемого ритуального действия. Различие в семантике данных слов легко обнаруживается при их словарном толковании, где слово *памятник* толкуется как: «1. Скульптурное или архитектурное сооружение в память кого – чего-нибудь». Регионализм *цырт* в словаре В.И. Абаева, помимо данного значения, включает в себя понятие «надмогильный камень». Именно это и позволяет нам считать вполне оправданным включение регионализма в русскоязычный текст. Русское *памятник* в своем смысловом значении выражает законченное произведение творческого труда ваятеля. Осетинское же *цырт* – это простое, скромное надгробие, символизирующее скорбь по умершему при погребении. Автор хорошо понимает эту семантическую разницу и включением регионализма ярко подчеркивает важную составляющую национального ритуала осетин, передающуюся от поколения к поколению.

Весьма интересно включение регионализма *уырдыгыстаг* в контексте: «...отпила немножко из стакана за мое здоровье и передала обратно мне, я же отдал *уырдыгыстаг* 'у, который, долив стакан, подал Симайли...».

Прежде всего следует отметить, что выделенное слово в его фонетическом оформлении в процессе исторического развития осетинского языка претерпело изменение: звук *дж* перешел в *з*, и сегодня нормированной считается форма *уырдыгыстаг*, а та, которую использовал автор, квалифицируется как устаревшая форма.

По своей словообразовательной структуре данный регионализм представляет собой сложное слово и состоит из двух основ: *уырдыг* (прямо) и *стаг* (стоящий), что в буквальном переводе означает «прямо-стоящий», или, как уточняет В. Абаев, человек, находящийся «все время на ногах в отличие от пирующих». Иначе говоря, в своем словарном толковании *уырдыгыстаг* – это «виночерпий, кравчий, прислуживающий за столом на пиршествах и тризнах, обычно из числа молодых людей».

На первый взгляд, осетинское *уырдыгыстаг* и русское *виночерпий* являются эквивалентами, но в отличие от функциональной однозначности *виночерпия*, обозначающего «лицо, подносящее напитки на пиру», регионализм *уырдыгыстаг*, кроме этого, является «лицом, избираемым для прислуживания на пиру, для

резания мяса, распределения кусков, потчевания» [1]. Кроме того, он прислуживал за столом не только во время пиршеств, как *виночерпий*, но и на тризнах.

Анализ семантической наполненности выделенных лексических параллелей позволяет говорить не только об оправданности включения регионализма в русскоязычный текст, но убедительно подчеркивает еще и еще раз тонкое языковое чутье писателя, позволившее ему предпочесть русскому *виночерпий*, с его ограниченными смысловым планом, регионализм *уырдыгыстаг*.

Описывая быт и нравы осетинского народа в очерке «В осетинском ауле», И. Кануков охотно прибегает к использованию региональной лексики, которая в произведении довольно многочисленна по своему составу. Подавляющее большинство регионализмов, по нашему мнению, стилистически оправданно. С одной стороны, посредством введения их в текст достигается большая достоверность изображения действительности, в них отражены представления, связанные с трудовой деятельностью, бытом и культурой народа. С другой стороны, в них в полной мере раскрывается национальная специфика языка, его самобытность. Стилистическая целесообразность употребления регионализмов особенно очевидна в тех случаях, когда в русском языке существует близкая по форме и значению лексическая единица, но не раскрывающая в полном объеме семантику этнолексемы. Ни один регионализм не воспринимается читателем «инородным телом», использованным как украшательский лексический компонент. Это еще раз подтвердило правильность высказывания Б.В. Кунавина: «Используя осетинские регионализмы, автор не только передает колорит национальной культуры, но и стремится привить к ней любовь, раскрыть ее огромный нравственный потенциал, стабилизирующие и объединяющие возможности» [14, с. 134].

Таковы некоторые наблюдения над использованием регионализмов в очерке И. Канукова «В осетинском ауле».

Литература

1. Абаев, В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка / В. И. Абаев. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1958. – Т. I. – 659 с. ; Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1973. – Т. II. – 451 с. ; Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1979. – Т. III. – 362 с. ; Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1989. – Т. IV. – 330 с. ; Москва : Московская типография № 2 РАН, 1995. – Т. 5. – 449 с. Указатель.
2. Бесолова, Е. Б. Отражение системы мировоззренческих знаний осетин в языке и его когнитивной структуре / Е. Б. Бесолова // Известия СОИГСИ. – Владикавказ : ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А, 2014. – № 14 (53). – С. 63–72.
3. Бородин, М. А. Диалект или региональные языки? / М. А. Бородин // Вопросы языкознания. – 1982. – № 5. – С. 32–36.
4. Валиева, Т. И. Проблемно-тематическое своеобразие очерков И. Канукова / Т. И. Валиева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 12–2 (90). – С. 230–233.
5. Гальченко, И. Е. Лексика языков народов Северного Кавказа в русском языке / И. Е. Гальченко. – Орджоникидзе, 1976. – 99 с.

6. Герд, А. С. Введение в этнолингвистику : курс лекций и хрестоматия / А. С. Герд. – Санкт-Петербург, 2005. – 456 с.
7. Герд, А. С. Историческая география и регионалистика: взаимоотношение в процессе изучения историко-культурных зон / А. С. Герд // Псковский регионалистический журнал. – Псков, 2013. – № 16. – С. 107–116.
8. Грузберг, Л. А. Региолект / Л. А. Грузберг // Филолог. 2010. – № 11. – URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mrub_11_208 (дата обращения: 10.11.2022). – Текст : электронный.
9. Дзапарова, Е. Б. Автоперевод как вид художественного перевода в осетинской литературе / Е. Б. Дзапарова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 5 (16). – С. 65–69.
10. Ерофеева, Т. И. Вероятностная структура идиомов: социоллингвистический аспект / Т. И. Ерофеева. – Пермь, 2003. – 320 с.
11. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Назрань, 2010. – 486 с.
12. Комаева, Р. З. Семантико-стилистическая структура художественного текста (на материале произведений И. Канукова) / Р. З. Комаева // Лингвистические этюды / Сборник научных трудов. – Вып. VIII – Владикавказ : Издательство СОГУ, 2003. – С. 5–24.
13. Кулова, М. Р. Идеино-тематическое и художественное своеобразие кавказского периода творчества Инала Канукова : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Владикавказ, 2008. – 21 с.
14. Кунавин, Б. В. Функциональные характеристики осетинских и общесеверокавказских регионализмов в романе А. Цаликова «Брат на брата» / Б. В. Кунавин // Известия СОИГСИ. – Владикавказ : ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН И РСО-А, 2019. – № 31 (70). – С. 125–139.
15. Магомедов, А. Х. Культура и быт осетинского народа / А. Х. Магомедов. – Орджоникидзе, 1968. – 568 с.
16. Оглезнева, Е. А. Дальневосточный региолект русского языка: особенности формирования / Е. А. Оглезнева // Русский язык в научном освещении. – 2008. – № 2. – С. 119–136.
17. Ожегов, И. С. Словарь русского языка / И. С. Ожегов. – Москва : Мир и образование, 2020. – 736 с. – URL: <https://slovarozhegova.ru/>. – Текст : электронный.
18. Словарь иностранных слов. – Москва : Русский язык, 1986. – 624 с. – URL: https://gufo.me/dict/foreign_words. – Текст : электронный.
19. Суменова, З. Н. Инал Кануков. Жизнь и творчество / З. Н. Суменова. – Орджоникидзе : ИП, 1972. – 247 с.
20. Тедтоева, З. Х. Своеобразие языка и стиля публицистики Инала Канукова / З. Х. Тедтоева // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. – 2015. – № 4. – С. 223–226.
21. Трубинский, В. И. Современные русские региолекты: приметы становления / В. И. Трубинский // Псковские говоры и их окружение: Межвузовский сборник научных трудов Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – Псков, 1991. – С. 156–162.
22. Хорошева, Н. В. Региолект как промежуточный идиом во французском и русском языках / Н. В. Хорошева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2011. – Вып. 3 (15). – С. 32–36.

S.A. Hadasheva, F.A. Tsarikaeva

THE ROLE OF OSSETIAN REGIONALISMS IN I. KANUKOV'S ESSAY *IN THE OSSETIAN VILLAGE*

The use of certain Ossetian words in Russian literary texts serves to recreate the national and local peculiarities as well as to reflect some national realities. Ossetian regionalisms evoke great interest. The study analyzes a great number of the regionalisms used in *In the Ossetian Village* by Kanukov. The aim of the study is to prove the necessity to include authentic Ossetian words and phrases in the Russian text of the essay. Accordingly, the authors' attention is focused on studying the semantics of certain Ossetian regionalisms and the availability of their equivalents in Russian. The authors also determine the writer's success in creating an artistic stylistic effect while introducing the national identity, colour of life, daily routines, morals, etc. of the Ossetian people by means of the regionalisms.

Regionalisms, literary text, Russian, Ossetian, vocabulary, national peculiarities.